

ОДИССЕЙ

2008

Script/Oralia: взаимодействие
устной и письменной традиций

Ночь как объект
исторической науки

Историческая наука
и «порядочные люди»

Карьерные стратегии
монархии Габсбургов

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Л.М. БАТКИН, Г.В. БОНДАРЕНКО, И.Г. ГАЛКОВА, И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ,
Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА, К.А. ЛЕВИНСОН,
С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА,
А.В. ТОЛСТИКОВ (ответственный секретарь), П.Ю. УВАРОВ,
Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ, А.Л. ЯСТРЕБИЦКАЯ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, ВОЙЦЕХ ВЖОЗЕК, НАТАЛИ ЗЕМОН ДЭВИС,
ВЯЧ.ВС. ИВАНОВ, ЖАК ЛЕ ГОФФ, Ж.-К. ШМИТТ,
О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук В.Я. ПЕТРУХИН

Одиссей : человек в истории / Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. :
Наука, 1989 – .

2008 : Script/Oralia: взаимодействие устной и письменной традиций в
Средние века и раннее Новое время / [гл. ред. А.О. Чубарьян]. – 2008. –
483 с. – ISBN 978-5-02-036740-1.

Юбилейный двадцатый выпуск альманаха “Одиссей” открывается разделом, посвященным анализу трансформаций, которые происходят с устной традицией в ситуации конфликта и взаимодействия с традицией письменной, в частности в условиях билингвизма при переводе с одного языка на другой и в эпоху книгопечатания, когда печатное слово начинает проникать в сферу устного и наоборот. Другие разделы сборника посвящены сравнительным исследованиям, истории представлений о времени, социальной истории, проблемам анализа словесных и визуальных образов в культуре. Публикация номера – текст гомилии блаженного Августина на один из стихов 120-го псалма. Традиционно значительное место уделено рецензиям и обзорам новой литературы.

Для историков, историков культуры, студентов, специалистов-гуманитариев и более широкого круга читателей.

Темплан 2009-I-238

ISBN 978-5-02-036740-1

- © Институт всеобщей истории РАН, 2008
- © Лучицкая С.И., составление, 2008
- © Коллектив авторов, 2008
- © Российская академия наук и издательство “Наука”, продолжающееся издание “Одиссей. Человек в истории” (разработка, оформление), 1989 (год основания), 2008
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство “Наука”, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю	5
SCRIPT/ORALIA: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ	
<i>С.И. Лучицкая</i> ВВЕДЕНИЕ	7
<i>А.Л. Топорков</i> МАГИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В УСТНЫХ И РУКОПИСНЫХ ТРАДИЦИ- ЦИЯХ РОССИИ XVII–XVIII ВВ.	13
<i>С.И. Лучицкая</i> ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ В ХРОНИКАХ И CHANSONS DE GESTE ПЕРВОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА.	29
<i>О.И. Тогоева</i> “УПОВАЮ НА НЕГО И НЕ БОЮСЬ...” (ИС. 12: 2). ПРЯМАЯ РЕЧЬ ЖАННЫ Д’АРК НА ПРОЦЕССЕ 1431 г.	62
<i>София Менаше</i> УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ В ХРОНИКАХ: ТЕКСТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ (перевод с английского С.И. Лучицкой)	81
<i>Мари-Кристин Вароль</i> ТРАДИЦИЯ ТЕКСТОВ ОБ АЛЕКСАНДРЕ ВЕЛИКОМ В СОВРЕМЕН- НЫХ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКИХ ПОСЛОВИЦАХ (перевод с француз- ского С.И. Лучицкой)	105
<i>А.А. Котомина</i> “ЕВАНГЕЛИЯ ОТ ПРЯХ”: ОПЫТ ЗАПИСИ ПОВЕРИЙ В УСЛОВИЯХ ОСВОЕНИЯ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ	138
<i>М.И. Василенко</i> ТРАДИЦИОННАЯ АРАБСКАЯ ПОЭЗИЯ: К ПРОБЛЕМЕ СООТНО- ШЕНИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИЙ	155
<i>Г.А. Попова</i> КТО ГОВОРИЛ НА АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ В ХРИСТИАНСКОМ ТОЛЕ- ДО? (СФЕРЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРАБСКОГО ЯЗЫКА В ТОЛЕДО XII–XIII ВВ.)	165

<i>С.И. Лучицкая</i>	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
НИВЕРНО-ROSSICA: “ЗНАНИЕ В ОБЛАКАХ” В ДРЕВНЕИРЛАНДСКОЙ И ДРЕВНЕРУССКОЙ МИФОПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ ...	182
<i>П.В. Лукин</i>	
ДРЕВНЕРУССКИЙ “ПОТОК И РАЗГРАБЛЕНИЕ” В СВЕТЕ ГЕРМАНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ	196

ВРЕМЯ САКРАЛЬНОЕ – ВРЕМЯ МИРСКОЕ

<i>Ален Кабантус</i>	
НОЧЬ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ (ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА XVII–XVIII вв.) (<i>перевод с французского И.К. Стаф</i>)	211

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>О.В. Хаванова</i>	
КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ	230

СЛОВО И ОБРАЗ В КУЛЬТУРЕ

<i>О.Ф. Кудрявцев</i>	
“ЗАПЕЧАТЛЕННЫЙ САТУРНОМ”: АСТРАЛЬНАЯ МАГИЯ МАРСИЛИЯ ФИЧИНО	251
<i>И.Г. Галкова</i>	
“АКВИТАНСКИЙ ВСАДНИК” И АКВИТАНСКИЕ АРИСТОКРАТЫ: К ВОПРОСУ О СВЕТСКОМ ЗАКАЗЕ ЦЕРКВЕЙ В XII в.	275

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

<i>С.Л. Козлов</i>	
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И “ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ”: МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ КОММЕНТАРИЯ К “АПОЛОГИИ ИСТОРИИ”	302

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕБАТЫ

<i>Питер Бёрк</i>	
“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (<i>перевод с английского К.А. Левинсона</i>)	337

Е.Е. Савицкий

“ПЕРФОРМАТИВНЫЙ ПОВОРОТ” В ИСТОРИОГРАФИИ – ДРУГИЕ ВЕРСИИ (КОММЕНТАРИЙ К СТАТЬЕ ПИТЕРА БЁРКА)	355
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ

С.А. Степанцов

“УЖЕ ОСВЕЩЕНЫ ГОРЫ”: ПС 120: 1 У АВГУСТИНА И ЕГО ПРЕД- ШЕСТВЕННИКОВ	367
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

К.А. Левинсон

ТАКАЯ РАЗНАЯ УСТНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Nitхаммер Л.</i> Фрагменты немецкой памяти. М. (в печати). Книга погро- мов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг.: Сб. док-тов / Отв. ред. Л.Б. Милякова и др. М., 2007	382
---	-----

С.И. Лучицкая

ВОСПРИЯТИЕ НОЧИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

<i>L’imaginaire de la nuit au Moyen âge / Études réunies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.</i> 2002. Т. 106, N 2	409
--	-----

О.Е. Кошелева

ВОЛОВЬИ ЛУЖКИ И СИБИРСКИЕ ПРОСТОРЫ

<i>Kivelson V.</i> Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth- Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006	417
---	-----

А.В. Толстиков

СЕЛЬСКИЙ ПРИХОД ПОСЛЕ “ОХОТЫ НА ВЕДЬМ”

<i>Lennerstrand M., Oja L.</i> Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häx- processerna 1668–1671. [Hedemora], 2006	430
--	-----

ХРОНИКА

А.В. Свешников, Б.Е. Степанов

ВОСПОМИНАНИЕ О БУДУЩЕМ (К 20-ЛЕТИЮ “ОДИССЕЯ”)	444
---	-----

М.Ю. Парамонова

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ А.Я. ГУРЕВИЧА	457
-----------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЕЖЕГОДНИКЕ “ОДИССЕЙ” ЗА 1999–2008 ГОДЫ	461
--	-----

SUMMARIES	471
-----------------	-----

IN MEMORIAM

Юрий Павлович МАЛИНИН (1946–2007)	476
---	-----

CONTENTS

To the reader	5
---------------------	---

SCRIPT/ORALIA: THE WRITTEN AND THE ORAL IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN TIME

S.I. Luchitskaya

INTRODUCTION	7
--------------------	---

A.L. Toporkov

MAGIC TEXTS IN THE 17 TH - AND 18 TH -CENTURY RUSSIAN ORAL AND HANDWRITTEN TRADITION	13
---	----

S.I. Luchitskaya

THE INTERPLAY OF THE ORAL AND THE WRITTEN IN CHRONICLES AND CHANSONS DE GESTE OF THE FIRST CRUSADE	29
---	----

O.I. Togoeva

'FIDUCIALITER AGAM ET NON TIMEBO' (ISAIAH 12: 2). JOAN OF ARC'S DIRECT SPEECH AT THE 1431 TRIAL	62
--	----

S. Menache

ORALITY IN CHRONICLES: TEXTS AND HISTORICAL CONTEXTS	81
--	----

M.-Chr. Varol

TEXTUAL TRADITION OF ALEXANDER THE GREAT IN MODERN JUDEO-SPANISH PROVERBS	105
--	-----

A.A. Kotomina

THE GOSPELLES OF DYSTAUES: ASSIMILATING NEW KNOW-HOW AND WRITING DOWN POPULAR BELIEFS	138
--	-----

M.I. Vasilenko

THE ORAL AND THE WRITTEN IN TRADITIONAL ARABIC POETRY	155
---	-----

G.A. Popova

WHO SPOKE ARABIC IN CHRISTIAN TOLEDO? (THE USE OF ARABIC IN 12 TH - AND 13 TH -CENTURY TOLEDO)	165
---	-----

S.I. Luchitskaya

CONCLUSION	178
------------------	-----

COMPARATIVE HISTORY

G.V. Bondarenko

HIBERNO-ROSSICA: 'KNOWLEDGE IN THE CLOUDS' IN OLD IRISH AND OLD RUSSIAN MYTHOPOEIC TRADITIONS	182
--	-----

<i>P.V. Lukin</i>	
THE OLD RUSSIAN <i>POTOK I RAZGRABLENIE</i> AND ITS GERMANIC PARALLELS	196

TIME SECULAR AND SACRED

<i>A. Kabantus</i>	
NIGHT AS SUBJECT OF HISTORICAL RESEARCH (WESTERN EUROPE, 17 TH –18 TH CENTURIES)	211

SOCIAL HISTORY

<i>O.V. Khavanova</i>	
CAREER STRATEGIES IN THE 18 TH -CENTURY HABSBURG MONARCHY IN THE MIRROR OF PETITIONS TO THE MONARCH	230

WORD AND IMAGE IN CULTURE

<i>O.F. Kudryavtsev</i>	
‘IMPRINTED BY SATURN’: MARSILIO FICINO’S ASTRAL MAGIC	251
<i>I.G. Galkova</i>	
THE ‘AQUITAINIAN HORSEMAN’ AND AQUITAINIAN NOBLES: TOWARDS THE QUESTION OF LAY PATRONAGE OF THE 12 TH -CENTURY CHURCH BUILDING	275

HISTORIAN AND TIME

<i>S.L. Kozlov</i>	
THE HISTORICAL RESEARCH AND THE <i>HONNÊTES GENS</i> : TOWARDS AN EXPLICATIVE COMMENTARY TO MARC BLOCH’S <i>APOLOGIE POUR L’HISTOIRE</i>	302

DISCUSSIONS ON HISTORIOGRAPHY

<i>P. Burke</i>	
THE PERFORMATIVE TURN IN RECENT CULTURAL HISTORY	337
<i>Ye.Ye. Savitsky</i>	
‘THE PERFORMATIVE TURN’ IN HISTORIOGRAPHY: OTHER VERSIONS (A COMMENTARY ON PETER BURKE’S ARTICLE)	355

PUBLICATIONS

S.A. Stepantsov

- 'IAM ILLUMINATI SUNT MONTES': PSALM 120: 1 IN AUGUSTIN'S AND HIS PREDECESSORS' WRITINGS 367

BOOK REVIEWS

K.A. Levinson

ORAL HISTORY THE MANIFOLD

- Niethammer L.* Fragmenty nemetskoy pamyati. Moskva (forthcoming); Kniga pogromov. Pogromy na Ukraine, v Byelorussii i v evropeyskoy chasti Rossii vo vremya Grazhdanskoy voyny 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov / Otv. red. L.B. Milyakova i dr. Moskva, 2007 382

S.I. Luchitskaya

THE PERCEPTION OF NIGHT IN THE MIDDLE AGES

- L'imaginaire de la nuit au Moyen âge / Etudes recueillies par J. Dufournet et F. Dubost // Revue des langues romanes.* 2002. T. 106. N 2 409

O.Ye. Kosheleva

OXEN MEADOWS AND THE VAST TRACTS OF SIBERIA

- Kivelson V.* Cartographies of Tsardom: The Land and its Meanings in Seventeenth-Century Russia. Ithaca (N.Y.), 2006 417

A.V. Tolstikov

LIVING ON IN A RURAL PARISH AFTER THE WITCH HUNT

- Lennerstrand M., Oja L.* Livet går vidare: Älvdalen och Rättvik efter de stora häxprocesserna 1668–1671. [Hedemora], 2006 430

CHRONICLE

A.V. Sveshnikov, B.Ye. Stepanov

- TWENTY YEARS AFTER (THE 20TH ANNIVERSARY OF *ODYSSEUS*) 444

M.Yu. Paramonova

- AARON GUREVICH MEMORIAL READINGS 457

- INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN *ODYSSEUS* IN 1999–2008 461

- SUMMARIES 471

IN MEMORIAM

- Yuriy Pavlovich MALININ (1946–2007) 476

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

О.В. Хаванова

КАРЬЕРНЫЕ СТРАТЕГИИ В МОНАРХИИ ГАБСБУРГОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ОБРАЩЕНИЙ НА ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ*

“Поскольку в Вене, несмотря на все усилия, назначения мне получить так и не удалось, я решил попытать счастья в Прессбурге¹, по-сему молю ваше величество, соблаговолите зачислить меня здесь во внештатные письмоводители без жалования, чтобы я, до того как получу повышение, посредством неустанного рвения и верного несения службы мог сделаться еще более опытным и достойным государевой милости”², – писал молодой австрийский дворянин Карл Кристиан Пауренфайнд, в конечном итоге принятый практикантом в Венгерскую казенную палату.

Рассудительность соискателя, готового довольствоваться малым в надежде на постепенное восхождение по служебной лестнице, наводит на мысль, что, даже если раннее Новое время не знало понятия “карьерная стратегия”, люди той эпохи имели ясное представление о времени, путях, материальных и моральных затратах, необходимых для обретения положения в обществе. Неслучайно в их речи часто встречались слова “*promotio*” (лат.) или “*Fortkommen*” (нем.), в основе которых – движение вперед и вверх, ибо любая успешная карьера заключается в сохранении и улучшении социального и профессионального статуса.

Для достижения этой цели индивиду приходилось не раз подавать письменные заявления и прошения в различные инстанции, включая обращения напрямую к монарху. Зависел ли успех предприятия от того, в какую вербальную форму облекалась просьба? Далее в статье рассматриваются принципы составления обращений на высочайшее имя, выкристаллизовавшиеся и ставшие рутинными к середине XVIII в., вычлениются наиболее часто встречающиеся аргументационные стратегии и (в тех случаях, когда источники позволяют это сделать) оценивается успешность их применения³.

---

* Статья написана при поддержке Fond für Förderung der wissenschaftlichen Forschung (Австрия) в рамках проекта M978-G08 “Бюрократические карьеры в Венгерском королевстве в эпоху просвещенного абсолютизма”.

В немецкоязычной историографии принято различать “ходатайства” в судебные инстанции (Suppliken), где речь шла об удовлетворении юридически обоснованных претензий, и “прошения” (Supplikationen), в которых “испрашивалось”, или, говоря языком той эпохи, “вымаливалось” некое благо (должность, повышение по службе, разовое или регулярное материальное вспомоществование, обучение за государственный счет и пр.), на которое автор (или авторы) объективно не имели неоспоримого права и полагались на милость тех, от кого зависело принятие решения. Впрочем, сами же историки признают, что отсутствие четких границ между судебной и административной сферой превращает деление на “ходатайства” и “прошения” в пустую формальность⁴. Тем более, что, например, прошение о повышении в должности имело под собой объективные основания (выслуга лет, отсутствие нареканий), но зачастую оставалось результатом субъективного выбора между соискателями с более или менее равными стартовыми условиями.

Исследовательский интерес к прошениям как типу массового источника пробудился на рубеже 70–80-х годов XX в., когда стали очевидными ограничения в проблематике и методологии господствовавшей в то время социальной истории с ее макроисторическим подходом к прошлому. Изучение источников, в которых человек повествует о себе сам, будь то письмо, дневник, судебный иск или прошение о помиловании⁵ (так называемых эго-документов), позволило лучше понять мотивы поведения, измерить широту кругозора, проникнуть в систему ценностей, оценить масштаб социальных ожиданий отдельных людей и в перспективе – целых социальных групп⁶.

Петиции, ходатайства, жалобы и тому подобные документы стали важным источником в изучении механизмов взаимодействия социальных низов с властью. Крестьяне, горожане, наемные работники, солдаты в исследованиях последних десятилетий обрели имена и судьбы и дали бесчисленное множество примеров, когда власть оказывалась вынужденной прислушиваться к голосам простых подданных. Современные историки едины во мнении, что в раннее Новое время прошения выполняли важную роль информирования власти о настроениях в обществе, о градусе накала социальной неудовлетворенности, и власти были заинтересованы в функционировании этого механизма взаимодействия не меньше, чем те, для кого подача жалобы властям оставалась единственной надеждой на защиту и торжество справедливости⁷.

Еще одно важное направление в современной историографии, где прошения как источник заняли достойное место, – это гендерная история. Австрийский историк Бригитт Мацоль-Вальниг в исследовании о женах чиновников в XIX в. – в силу отсутствия прямых сви-

детельств об их внутреннем мире, интеллектуальных горизонтах, духовных запросах – называет этих женщин “исторически отсутствующей величиной”⁸. Стоит ли говорить, что о крестьянках и горожанках раннего Нового времени порой не осталось никаких упоминаний, кроме их жалоб и прошений к властям?⁹ Анализ текстов, написанных женщинами или от имени женщин, в первую очередь нацелен на определение степени их социальной активности и ответственности, как это сделала Р. Бликле в микроисторическом исследовании об аргументационных стратегиях простой крестьянки, просившей у баварского курфюрста помиловать ее признанного дезертиром мужа¹⁰.

Большинство подобных исследований основано на судебных протоколах или иных источниках, документирующих развитие некоей конфликтной ситуации. Примечательно, что в электронных поисковых системах библиотечных каталогов ключевые слова для этих публикаций – “прошение” и “конфликт”. Это справедливо в том смысле, что в основе любого прошения лежит конфликт, если не автора с физическим или юридическим лицом (лицами), то между желаемым и действительным. В то же время историки признают, что пока крайне мало сделано в области изучения прошений, где речь шла о найме на службу, назначении пенсии, денежного вспомоществования, присуждении награды. Потенциал подобных источников для просопографических исследований трудно переоценить, – ведь как бы ни старался составитель представить дело в наиболее выгодном для себя свете, он не должен был выходить за рамки достоверности, поскольку все приведенные им факты тщательно проверялись.

Обращения на высочайшее имя могли называться по-разному – “*humillima instantia*” или “*supplex*” на латыни, “*Supplik*”, “*Gesuch*”, “*Bittschrift*”, “*Bitten*” и пр. по-немецки. Но все эти документы традиционно сочетали в себе черты личного письма и официального заявления: в них разнообразие житейских обстоятельств излагалось с соблюдением норм эпистолярного канона. Как и письмо, они восходили к цicerоновской структуре и начинались с обращения (*salutatio*)¹¹. За ним нередко следовало необходимое в письмах вступление (*exordium*)¹². Однако многие просители, возможно, памятуя о совете, содержавшемся в любом письмовнике, что не следует писать слишком длинные письма и уж тем более обращаться к властям с пространными посланиями, опускали эту часть, переходя непосредственно к изложению личных обстоятельств (*narratio*), подкреплявших собственно просьбу (*petitio*). В заключении (*conclusio*), перед подписью¹³, проситель, как правило, клялся в вечной верности и обещал возносить молитвы за государя и правящий дом.

То, как сформировалась и развивалась практика составления и подачи обращений в монархии Габсбургов, специально никогда не

изучалось. В целом, историки и литературоведы сходятся во мнении, что риторические навыки, включавшие умение писать письма, преподавались в школе (эта ступень так и называлась: “риторика”). У тех, кто затем избирал карьеру чиновника, мастерство совершенствовалось в ходе юридической практики. Письмовники – не как образцы высокого литературного стиля для избранных (труды Эразма Роттердамского или Филиппа Меланхтона), но как практическое руководство для образованных слоев населения – появляются в конце XVIII в., а широкое распространение получают не ранее середины XIX в. Немецкий филолог Райнхард Никиш в исследовании о немецкоязычных письмовниках позднего Ренессанса и раннего Нового времени уделяет преимущественное внимание эволюции литературной компоненты писем и по понятным причинам игнорирует консервативные по структуре обращения в официальные инстанции¹⁴.

Несомненный методологический интерес представляет коллективная монография французских историков Р. Шартье, А. Бурэ и С. Дофин “Корреспонденция. Образцы написания писем от Средневековья до XIX века”¹⁵. Авторы отмечают непреходящее значение эпистолярного искусства в средневековом обществе, основанном на должности и ранге. Они убедительно доказывают, что владение мастерством правильного употребления титулатуры, облечение информации в имеющие широкое хождение топосы, доскональное соблюдение социальной дистанции между автором письма и адресатом превратило стряпчих в особую касту, отгороженную от непосвященных и озабоченную, ради самосохранения, дальнейшим усложнением форм символической коммуникации. Неслучайно многим из них льстили политические коннотации слова “диктатор”. (Средневековое латинское название эпистолярного искусства – *ars dictaminis, ars dictandi*).

В монархии Габсбургов с конца XVI в. подданным предписывалось подавать обращения на высочайшее имя, составленные исключительно авторизованными писцами, стряпчими или агентами¹⁶. Это способствовало внедрению единства формы, ясности изложения и не в последнюю очередь служило гарантией того, что в тексте не встретятся неприличные, оскорбительные для властей выражения¹⁷. На многих дошедших до наших дней прошениях действительно проставлено имя агента. Но далеко не на всех. Помимо прочего, за аристократов обращения к властям составляли их личные секретари, за бедных вдов и сирот чиновников – скорее всего, коллеги покойного мужа или отца¹⁸.

Прошения о назначении на чиновничью должность писались, как правило, самими просителями, потому что одновременно служили доказательством того, что соискатель владеет пером, знаком с основами делового стиля и обладает красивым почерком. Иногда в дока-

зательство прикладывались образцы латинской и немецкой (готической) каллиграфии. Многие писали на обороте “составил сам” (лат. “ipse fecit”, нем. “selbst verfasst”). Однако это не может служить гарантией того, что опытный стряпчий не подправил стиль или профессиональный писец не переписал начисто “составленный самим” просителем черновик¹⁹.

Крайне мало известно о том, как прошение попадало в руки государя. Предположительно, все через тех же придворных агентов, если соискатель уже не служил в органах власти и не передавал свое обращение “по инстанциям”. Чаще всего монарх не принимал решения немедленно, но писал на обороте имя главы того ведомства (например Чешско-Австрийской канцелярии, Венгерской казенной палаты и пр.), которому вменялось в обязанности подать “вотум” (обоснованное мнение) по данному вопросу. По частному случаю назначения вдовьей пенсии императрица Мария Терезия (1740–1780) сделала в 1763 г. важное замечание: “Впредь при подаче вотума с изложением всех обстоятельств и наблюдений по делу всякий раз предлагать мне вариант решения, ибо придворным ведомствам вменяется в обязанность по установленному порядку давать мне совет, чтобы я в силу неограниченной власти приняла решение по своему усмотрению”²⁰.

Прошения с резолюциями и поручениями в настоящее время разбросаны по фондам различных ведомств, иногда оригиналы обращений на высочайшее имя отсутствуют, и суть дела нередко приходится реконструировать по “выпискам из протоколов”, которые включали в себя краткое изложение просьбы подданного, вотум ответственного советника и наложенную государем резолюцию, от простого “Placet”, т.е. “одобрено”, или “Verstanden”, т.е. (в случае Марии Терезии) “согласна”, до развернутых комментариев к предложенному решению²¹.

Новая (параллельно со старой) практика подачи ходатайств и прошений в монархии Габсбургов возникла со вступлением на престол Священной Римской империи (после смерти в 1765 г. Франца Стефана I Лотарингского) Иосифа II (1765–1790). Чтобы лучше ознакомиться с землями и народами, подвластными Габсбургскому дому, он предпринял целый ряд путешествий по самым отдаленным уголкам страны, стараясь из первых рук собрать достоверную информацию о состоянии экономики, положении крестьян, нуждах армии, условиях отбывания наказаний. Из таких поездок он привозил сотни прошений, поданных на его имя, несмотря на то что до 1780 г. оставался только справителем при своей фактически правившей владениями Габсбургского дома матери²². Все эти обращения проходили затем установленную процедуру рассмотрения в уполномоченных ведомствах.

То безграничное тематическое разнообразие, которое отличает обращения на высочайшее имя, еще во многом только предстоит оценить историкам. В социальной системе, где государь каждодневно проявлял милость, основанную на справедливости, иными словами, действовал в рамках закона и одновременно возвышался над ним: у монарха просили должностей, стипендий, пенсий, наград, денежных вспомоществований на разные личные и общественно значимые цели, возведения в дворянское достоинство, признания прав собственности и т.п. Одно такое обращение может стать для исследователя отправной точкой для интересного микроисторического исследования с макроисторическими перспективами. Если учесть, что архивные фонды центральных органов управления сохранились порой лучше, чем семейные фонды, а просители, аргументируя свою позицию, были вынуждены приводить массу дополнительных сведений, прилагать справки, выписки, генеалогические древа и пр., потенциал подобного типа источника далеко не исчерпан. Сказанное выше в полной мере относится к прошениям о назначении на должность.

Круг лиц, которые могли просить о назначении на должность, не ограничивался самим соискателем. Немало подобных обращений на высочайшее имя подписаны родителями. Живая связь поколений государевых слуг воплощалась в коллективных заслугах семьи, когда сын по праву наследовал не только имущество, но и доброе имя предков, измеряемое количеством лет на службе августейшему дому²³. Отцы добывали своим сыновьям казенные стипендии в учебных заведениях, из которых рекрутировались новые поколения чиновников. Они пристраивали чад на какую угодно малую должность к кому-либо из своих высокопоставленных покровителей, чтобы как можно раньше дать необходимые практические навыки, столь ценные в эпоху, когда диплом об окончании учебного заведения только начинал восприниматься как свидетельство профессиональной пригодности. Наконец, они обращались напрямую к монарху с просьбами о приеме своих великовозрастных сыновей на государеву службу, потому что верили, что годы собственной беспорочной службы являются для детей лучшей рекомендацией.

Примечательно, что заметную активность проявляли матери (как правило, вдовы). “Природный долг, который обязывает меня как мать делать все возможное для счастья и возвышения моих сыновей, вдохновил – в надежде на положительное решение – сложить к ногам вашего величества заветное прошение”²⁴, – писала вдова венгерского графа Имре Баттяни, желая выхлопотать своим сыновьям от первого брака с недворянином венгерский дворянский титул. Под этими словами могла бы подписаться не одна мать, которая обращалась к монарху с просьбой принять на государеву службу

сына. Большинство женщин ссылались на свою бедность и видели в зачислении сына в штат облегчение материального бремени²⁵, но некоторые в духе времени расписывали прекрасную учебу юноши и овладение им необходимыми для чиновника науками²⁶.

Наконец, за кандидата на должность мог ходатайствовать высокопоставленный чиновник, “патрон”, знакомый с соискателем и покровительствующий ему, ручающийся своей репутацией за деловые качества соискателя. В последнее время историки отходят от односторонней, негативной оценки патроната как института, несовместимого с современным бюрократическим государством, или как социальной и культурной практики, с помощью которой сословия всего лишь оборонялись от покушений усиливавшейся центральной власти. Напротив: потребность в посреднических услугах патронов при подборе кадров на королевскую службу объясняется тем, что монархи раннего Нового времени – в отсутствие национальной системы образования или единых правил и критериев найма – были не в состоянии лично оценивать пригодность и заслуги соискателей должностей в своих быстрорастущих чиновничьих аппаратах²⁷. В этих условиях главам центральных правительственных ведомств, сановникам на ключевых государственных постах доставалась важная роль первичного отбора профессионально пригодных кадров.

Отчасти новые чиновники рекрутировались из мелкодворянских семей, связанных с аристократическими родами давними узами службы и покровительства²⁸. Отчасти молодые люди с университетским образованием и без гарантирующих карьерные возможности социальных связей сами искали влиятельного патрона, способного взять к себе в секретари, порекомендовать на скромную должность, поспособствовать новому назначению. Современников не удивляло, когда председатель Венгерской казенной палаты письменно уведомлял своих подчиненных: “Его превосходительство граф Антал Грашшалкович, советник нашего ведомства, лично порекомендовал мне на должность курьера своего человека (*hominem suum*), и, желая удовлетворить просьбу господина советника, я вношу на рассмотрение кандидатуру Георга Фюрганга (если у высокопочтимой Казенной палаты во время моего отсутствия не возникло в связи с этим каких-либо возражений)”²⁹. Случаи, когда за тем или иным мелким служащим не стоял влиятельный чиновник, были, похоже, настолько редки, что подобное обстоятельство некоторые считали достойным отдельного упоминания³⁰.

Центральное место в аргументации, почему соискатель имеет право на должность, занимало понятие заслуг. При этом, как говорилось выше, грань между личными и семейными заслугами была тонкой, даже условной. Так, представитель одного из знатнейших венгерских родов граф Габор Эстерхази, испрашивая себе малый крест

ордена св. Стефана, писал: “В качестве [личных] заслуг я могу сослаться на самые разные, весьма почетные службы, которые моя семья много лет выполняла по отношению к августейшему Австрийскому дому, и нижайше рассчитываю в этом на врожденную милость и щедрость вашего императорского величества”³¹. Другой венгерский аристократ, граф Антал Чаки, писал: “Соблаговолите – в отсутствие у меня собственных заслуг – принять во внимание заслуги моего отца и предков и назначить меня в администрацию Казенной палаты в Кашше (совр. Кошице в Словакии. – О.Х.) на должность внештатного советника и тем самым дать мне искомую возможность набраться опыта в делах фиска, стать годным к королевской службе и более достойным королевских милостей”³².

Французский историк Г. Шоссинан-Ногаре в книге “Французское дворянство в XVIII веке” писал: “С 1760 г. понятия достоинства и чести, которые прежде определяли то, что отличало дворян, уступили место новому понятию: заслугам – ценности среднего класса, типичной для третьего сословия, которую дворянство переняло, присвоило себе, приняло и официально признало как критерий дворянства”³³. Эта точка зрения подверглась критике в монографии американского историка Дж.М. Смита, который показал, что задолго до века Просвещения и Французской революции “заслуги”, понимаемые как достойные вознаграждения деяния, определяли характер взаимоотношений дворянства с королем. Усложнение механизмов управления в абсолютной монархии XVIII в. привело к тому, что в диалоге короны и сословий доскональный подсчет и точное перечисление заслуг стали единственно возможным способом для дворян, как и раньше, демонстрировать суверену свою личную преданность, а для государя – по-прежнему подмечать и вознаграждать дворянские доблести, в числе которых все более почетное место занимали аккуратность, ответственность, исполнительность.

Представляется, что для монархии Габсбургов более подходит концепция Смита. Превращение заслуг – количество лет на государственной службе, занимаемые должности, служебное рвение при исполнении государственной воли, случаи проявления похвальной инициативы и пр. – основной аргумент в диалоге с короной уравнило врожденное свойство дворянина, доблесть, с благоприобретенным – заслугой. Венгерский дворянин Ференц Варланди поставил эти понятия в один ряд: “Многоопытный отец просителя, чтобы правители и власти были справедливо оценены и распространены на наследников добытые верной службой заслуги предков, сына своего старался так обучить и наставить, чтобы тот в лучшей мере соответствовал ожиданиям государя, а значит мог получить по праву родства не только собственность, но и доблести и заслуги”³⁴.

Дискурс заслуг требует в контексте истории Габсбургской монархии более пристального рассмотрения. Здесь же отметим, что, возможно, в начале XVIII в., после того как венгерское дворянство смирилось с габсбургским господством в Венгрии в обмен на отказ династии от жестких абсолютистских методов управления королевством, накопление и передача заслуг по наследству стали надежным инструментом инкорпорации еще недавно мятежных сословий в имперские элиты.

В правление Марии Терезии в рамках дихотомического единства семейных и личных заслуг власти искали золотую середину между вознаграждением за верность и поощрением личных достижений. Разрастание бюрократического аппарата, усложнение задач управления экономикой, финансами, зарождающейся социальной сферой, образованием требовало от чиновника уже не только безупречной генеалогии, но разносторонних способностей, знаний и опыта. Прием на службу сыновей заслуженных родителей по-прежнему оставался одним из принципов кадровой политики, гарантировавшей в конечном счете превращение чиновничества в профессиональную группу с наследуемым родом занятий, подобную ремесленникам, коммерсантам или военным. Однако получить назначение просто как сыну своего отца становилось все сложнее.

Например, в 1761 г. таможенный контролер Теодор Шмидт построил своего сына Йозефа (к тому времени уже несколько лет прослужившего на таможне) в Венгерскую казенную палату. Пятнадцать лет спустя повзрослевший и набравшийся опыта сын не нуждался более в упоминании отцовского имени. Ходатайствуя о должности канцеляриста, он писал: “Если же для подобного назначения придется держать экзамен, я в любой момент тем более готов к проверке моих способностей, что без того каждый день сдаю подобный экзамен перед своим начальством”³⁵.

Символический итог попыткам согласовать лояльность с компетентностью подвела в конце своего правления сама императрица. Когда в 1780 г. чиновник Венгерской казенной палаты Йозеф Рибич попросил прибавки к жалованию, ссылаясь на заслуги своего покойного отца – директора архива того же ведомства, государыня написала на отрицательном вотуме своих советников: “Доложить мне, столь ли велики его собственные таланты и достижения, чтобы я приняла во внимание заслуги его почтенного отца”³⁶. Так заслуги предков из “пропуска”, открывающего заветные двери канцелярий, превращались в своего рода “рекомендательное письмо”, не имевшее обязательной силы.

Наряду с отцовским именем, “удостоверением личности” могли служить ручательства патрона или аттестаты о полученном образовании и прежнем роде деятельности. Как и повсюду в Европе, про-

фессионализация бюрократического аппарата в монархии Габсбургов сопровождалась увеличением числа необходимых для получения той или иной должности официальных свидетельств о профессиональной пригодности. Отставной офицер Янош Станкович, желавший служить в Венгерской казенной палате, писал: “Я десять с половиной лет верой и правдой служил в пехотном полку эрцгерцога Фердинанда, причем последние пять лет вел переписку на латинском, венгерском, словацком и немецком языках и всю финансовую документацию, и все старшие по званию офицеры включая военнополового комиссара, о чем говорится в копии справки о выходе в отставку и прилагаемых аттестатах, были мною совершенно довольны”³⁷. Имперсональный подход к подбору кадров не мог вытеснить института патроната, однако постепенно ограничивал круг клиентов теми, кто был в состоянии документально подтвердить соответствие должности. Цитированное выше и тысячи подобных прошений в XIX в. дали богатую почву для авторов письмовников, рекомендовавших подкреплять свои претензии на должность максимально возможным количеством дипломов и аттестатов³⁸.

Подданные ожидали от государя одновременно милости и справедливости. Достойных кандидатов на должность, как правило, было много, но, по мнению большинства, назначение в конечном итоге получал тот, кому оно было нужнее. Отставной венгерский офицер Дёрдь Насвади писал: “Прошу ваше императорско-королевское апостолическое величество принять во внимание мою верную службу и тяжелые смертельные ранения, мое упование на вас как на мать, которая не оставляет вниманием заслуженных и бедных солдат, примите меня в милости своей на казенную должность, к каковой я потому считаю себя годным, что владею немецким, латинским, венгерским и словацким языками”³⁹. Практикант Венгерской казенной палаты Алоизий Зустершц докладывал: “Я уже два месяца наслаждаюсь милостью нести скромную, но посылно усердную службу [в Венгерской казенной палате], так что мое начальство имеет все основания быть мною довольным”. Но о повышении в должности он просил “не за заслуги, которых у меня еще нет, но из милостивого снисхождения к моим престарелым родителям, чтобы тем самым избавить их от расходов, забот и хлопот”⁴⁰.

Филантропические ожидания были особенно сильны со стороны тех, кто относился к категориям населения, испытывавшим на себе повышенные заботу и внимание двора, – таким, как сироты или конвертиты (принявшие католичество или вернувшиеся в католическую веру). Не приходится удивляться тому, что католические монархи и государство эпохи Контрреформации, соединяя филантропию с жесткой конфессиональной политикой, открывали сиротские приюты, основывали стипендиальные фонды для сирот и создавали кассы

вспомоществования новым католикам⁴¹. Однако тот феномен, что взрослые, образованные, в известной мере состоявшиеся люди просили о назначении на должность, ссылаясь на то, что в детстве лишились родителей или что отказались от “лютеровской ереси”, заслуживает более пристального внимания.

Представляется, что ссылки на сиротство связаны с тем, что эта категория традиционно пользовалась преимуществом при зачислении в учебные заведения на средства специальных фондов, которые основывали Католическая церковь, верховные правители и частные лица⁴². Именно в правление Марии Терезии открылись многочисленные сиротские приюты, государство начало выделять средства (например, часть акцизных сборов от продажи алкоголя и табака) на содержание, воспитание, образование оставшихся без родителей. Вырастая, бывшие сироты, возможно, надеялись, что и в дальнейшем их будет ожидать конкурс на особых основаниях и что справедливость монарха в очередной раз проявится в его великодушии.

Так, 19-летний Матиас Вебер (как и многие ему подобные) писал: “Я не только владею родным немецким языком, но и окончил философский факультет, знаю латинский, венгерский и хорватский языки и всегда имел склонность к финансовым наукам”, но на должность рассчитывал на том основании, что являлся “беспомощным и не имеющим средств к существованию сиротой”⁴³. Соискатель должности в Венгерской королевской канцелярии Антал Мольнар заявлял: “Вот уже 15-й год я, кому покойные родители по бедности своей не завещали ничего, кроме доброго имени, влачу наизжалчайшее существование. Только с Божьей помощью сумел я получить образование, три года изучал гражданское право в королевском вольном городе Пеште и еще три года набирался практического опыта на службе у различных прокуроров”⁴⁴.

Собственное сиротство представлялось этим молодым людям в данном случае необходимым условием приема на службу, а знания – достаточным. Однако в глазах властей лишь тот сирота был достоин внимания и поощрения, за которого “ходатайствовали” его собственные таланты или заслуги его покойного родителя. Корпоративная солидарность побуждала начальство малолетним сиротам выхлопывать пенсии, подросткам – стипендии, тем же, кто только вступал на профессиональную стезю, – скромную стартовую должность. Частный случай выбора между двумя сиротами – сыновьями чиновников – иллюстрирует одно из важнейших устремлений эпохи – проверять меритократию филантропией. “Я буду рекомендовать [на должность практиканта при почтовом ведомстве] сына покойного Гучбухера, – писал президент Венской придворной казенной палаты граф Леопольд Коловрат, – поскольку он наделен способностями и добрыми свойствами природы, причем я абсолютно уверен, что сей

Гучбухер тем более имеет преимущество перед Шикартом, что за него говорят заслуги, накопленные [покойным] отцом в почтовом ведомстве”⁴⁵.

В качестве одного из средств “мягкой” рекатолизации социальная помощь вернувшимся в лоно католичества должна была служить достойным примером тем, кто упорно придерживался протестантских заблуждений. Конвертиты в XVIII в. на особых основаниях зачислялись в большинство католических учебных заведений, а власти не упускали случая продемонстрировать преимущества принадлежности к Римско-католической церкви. Так, Янош Становский, вернувшись на родину после учебы в протестантских университетах Западной Европы, двадцать лет преподавал учение Лютера в Прессбурге, после чего принял решение перейти в католичество и на этом основании испросил и получил звание сенатора⁴⁶. Напротив, когда профессор теологии кальвинист Миклош Шинаи обратился к императрице с просьбой восстановить его семью в дворянском звании, поскольку их дворянская грамота к XVIII в. была давно утеряна⁴⁷, положительное решение последовало только в 1783 г., после того как Иосиф II декретом о веротерпимости (1781 г.) отменил дискриминационные меры в отношении христианских не католических конфессий.

В то же время в сферах, где первостепенное значение полагалось уделять профессиональным качествам просителя, факт обращения в католическую веру принимался во внимание (как и в случае с сиротством), но не был решающим. Со стороны просителей очевидна тенденция выдать свое обращение за акт, потребовавший известных жертв (например, разрыв с протестантской родней) и потому достойный “компенсации” (подобно внеурочным часам работы). Со стороны же властей наблюдается скорее стремление учитывать смену конфессии только при прочих равных. Письмоводитель Венгерской казенной палаты Ласло Лехоцки в 1766 г. писал: “Окончив учебу, я отказался к тому времени от учения Лютера и перешел в римско-католическую веру, и после того как, не пренебрегая юридическим опытом, с пользой отработал в Королевской судебной палате, попал в канцелярию совета Казенной палаты: сначала как внештатный, затем – как штатный письменоводитель”. Президент Венгерской казенной палаты граф Янош Эрдеди в представлении на Лехоцки отметил: “В этой должности он, будучи моложе других, прославился зрелостью суждений, способностями и опытом в юридических вопросах, за свое же рвение в делах заслужил особую похвалу администрации, наконец, он конвертит и потому достоин рекомендации”⁴⁸.

С другой стороны, когда в 1777 г. некий Бернхард Готтлиб Анс попросил, ссылаясь на заслуги отца (чиновника Венской придворной казенной палаты) и факт своего обращения в католичество, принять

его в это ведомство кассиром, граф Коловрат категорически воспротивился: “Хотя я до сих пор в подобных случаях всегда отдавал предпочтение смышленным сыновьям подлинно заслуженных и снискавших уважение кассиров, потому что так проще защититься от превратностей и капризов судьбы, в данном случае считаю опасным, если конвертит, чьи достоинства нам пока совершенно неизвестны, получит доступ к кассовым операциям”⁴⁹.

То обстоятельство, что обращения на высочайшее имя составлялись в произвольной форме личного письма к государю, несомненно, затрудняло работу с этими документами. Только путем вдумчивого чтения можно было получить представление о статусе просителя, сути просьбы и основаниях, позволявших надеяться на ее удовлетворение⁵⁰. Разрастание управленческого аппарата, вмешательство государства во все новые публичные сферы вело к увеличению потока обращений и требовало их быстрой обработки. Давно назревавшая реформа делового стиля пришлось на первые годы самостоятельного правления Иосифа II (1780–1790) и как нельзя лучше отразила его представления о характере взаимоотношений подданных с государем, месте сословных привилегий, эффективности бюрократии. Разработчиком новых принципов делового стиля для монархии Габсбургов выступил писатель, юрист, педагог Йозеф фон Зонненфельс (1732–1817)⁵¹.

Зонненфельс может служить примером успешного дилетанта: поверхностный знаток самых разных наук и искусств, но талантливый стилист и полемист, он внес свою лепту в реформу австрийского законодательства, в нормализацию делового стиля, в систематическое преподавание политико-камеральных наук и в ослабление цензуры. За что бы ни брался этот универсальный ум, его неоригинальные, часто упрощенные, но понятные и доходчивые труды обретали качества добротных, рассчитанных на максимально широкую читательскую аудиторию учебников. Иосиф II, прилагавший немало усилий к тому, чтобы превратить подданных в граждан, привлек Зонненфельса к разработке декрета об изменении формы и содержания обращений к властям, и вскоре по стране был разослан датированный 2 января 1782 г. декрет, предписывавший подавать любые прошения на высочайшее имя исключительно по новому, установленному образцу⁵².

Считается, что император недолюбливал Зонненфельса, однако деятельность ученого по очистке языка от громоздких конструкций и трудных для восприятия канцеляризмов (чаще всего переводов со средневековой латыни) явно встречала высочайшие одобрение и поддержку. Позднее Зонненфельс ссылался на этот декрет в своем учебнике: “Его Величество, воспользовавшись случаем, сочло необходимым определить все то, что требуется для прошения, положить

конец отступлениям и повторениям, поелику от этого весомость доводов не утяжеляется, но лишь замутняется да усложняется собственно изложение”⁵³.

Отныне запрещалась любая пышная титулатура, и обращение сводилось к простому названию инстанции (“Ваше Величество!” или “Высокочтимая Венгерская канцелярия!”). Затем следовало сжато изложить суть просьбы (“Нижеподписавшийся просит, принимая во внимание его 27-летнюю службу в армии, зачислить сына в Военную академию в Винер-Нойштадте”) и перечислить причины (во-первых..., во-вторых..., в-третьих...), по которым проситель считал себя достойным испрашиваемого. Композиционно прошение включало в себя “повод” (Veranlassung), “просьбу” (Bitte) и “обоснования” (Gründe). В заключении не допускалось использования прежних формул “всепокорнейший”, “наивернейший” и т.п., вместо этого следовало указать свое полное имя, адрес и занимаемую должность.

В 1784 г. в свет вышло учебное пособие Й. Зонненфельса “О деловом стиле: первые правила для будущих австрийских канцелярских служащих”, в основу которого легли лекции, бесплатно читавшиеся им на юридическом факультете Венского университета⁵⁴. Несмотря на последующие реформы учебного процесса, “деловой стиль” оставался обязательным предметом четвертого года обучения на юридическом факультете вплоть до 1848 г.⁵⁵ Отдельное исследование могло бы быть посвящено тому, насколько быстро новый образец проник в отдаленные уголки монархии и стал активно применяться. Здесь же отметим, что чиновники центральных ведомств (и молодые соискатели канцелярских должностей) быстро усвоили новую форму изложения своих ходатайств⁵⁶.

С развитием, усложнением, разветвлением бюрократического аппарата неизбежно формализовались требования к соискателям, вырабатывались обезличенные механизмы оценки профессиональной пригодности. Из прошений постепенно уходил исповедальный тон, оставались лишь типичные для официального документа набор фактов и перечень прилагаемых справок. Именно поэтому рассмотренный выше период – вторая половина XVIII в. – представляется удивительным временем, когда обращения на высочайшее имя позволяют современному исследователю вычленивать дискурсивные особенности карьерных чиновничьих стратегий.

Судя по письменным обращениям к монарху, центральные органы управления в землях Габсбургской монархии (Венгерская королевская канцелярия, Венская казенная палата и пр.) не были закрытыми кастовыми учреждениями, воспроизводившими персонал в рамках нескольких десятков семейств. Практиковавшиеся в них принципы найма на службу можно обозначить термином, который американский социолог Ральф Тёрнер применил к британской

школьной системе, – “спонсированная мобильность”. Ученый обратил внимание, что в Великобритании отбор талантов начинается едва ли не с начальной школы и затем “счастливицков” на щадящих условиях внутренних конкурсов сопровождают вплоть до престижного места работы. Напротив, “соревновательная мобильность” в школьной системе США предполагает, что место в престижном университете получает не всегда тот, кто больше знает, но обязательно тот, кто в соревновании с другими успешнее доказывает свое право на стипендию⁵⁷.

“Спонсированный” характер кадровой мобильности в монархии Габсбургов становится особенно очевидным при сопоставлении прошений о приеме на государеву службу с заявлениями действующих чиновников о назначении их на новую должность. Последние уверенно чувствовали себя в условиях, когда рано или поздно, по праву старшинства или за похвальное служебное рвение начальство обращало на них свой взор и вознаграждало повышением. Труднее приходилось новичкам, только прокладывавшим путь в то или иное ведомство. Талантливый и честолюбивый чужак имел мало шансов быть нанятым, если за него ручался кто-либо из государственных мужей. Этому, кстати, прямо способствовало распоряжение императрицы в случаях заполнения вакансий отдавать предпочтение сотрудникам ведомства перед сторонними кандидатами⁵⁸. Епископ Иоганн Нойхольд жаловался своему начальнику барону Ференцу Балашша, что никак не может пристроить в Казенную палату некоего Йозефа Риттера: “Он уже пятый год занимается урбариальными (т.е. связанными с регулированием крестьянских повинностей. – *О.Х.*) делами, которые ничего общего не имеют с камеральными, потому у него перед Казенной палатой заслуг нет, и если не воследует от августейшей [государыни] резолюция, боюсь, как бы сей муж не остался без вознаграждения, а ведь он служит уже 14 лет”⁵⁹.

Зато получение даже самой скромной должности гарантировало медленное, но верное восхождение по служебной лестнице. “Ваше императорско-королевское апостолическое величество! Соболаговолите повелеть, чтобы меня милостиво назначили на должность письмоводителя славнейшей Венгерской казенной палаты, и тем самым открыть мне путь к дальнейшим государевым службам”, – писал в 1760 г. молодой практикант Иоганн Игнац Заутерсхаймб. Однако его прошение было удовлетворено лишь частично: он получил должность вне штата, т.е. без содержания. Председатель Венской придворной казенной палаты граф Рудольф Хотек указал на то, что “другие чиновники воспримут весьма болезненно, если некто, не имеющий никакого опыта в камералистике, будет тут же назначен письмоводителем и тем самым перекроет дорогу к повышению в должности для тех, кто усердно служит уже много лет”⁶⁰.

Сопоставительный анализ обращений на высочайшее имя с вотумами ответственных ведомств позволяет предположить, что именно в рассматриваемый период происходит важный сдвиг в кадровой политике, направленный на стандартизацию критериев найма, повышенное внимание к знаниям, способностям и профессиональной пригодности индивида. Общество уловит этот сигнал с известным опозданием, не раньше, чем Иосиф II начнет насаждать “сверху” меритократические принципы, не оставляющие места ни семейственности, ни филантропическим соображениям, ни конфессиональной исключительности. Однако без малозаметной на первый взгляд кропотливой работы по совершенствованию кадровой политики, не прекращавшейся ни на минуту в 60-е и 70-е годы XVIII в., знаменитые “кондуитные листы” с информацией о выслуге лет, образовании, владении языками, профессионализме, введенные в 80-е годы XVIII в.⁶¹, не возымели бы действия, не будь двор, бюрократическая элита и, в конечном итоге, общество подготовлены к переходу на “соревновательную мобильность”.

Играло ли роль в этом мире сыновей своих отцов и клиентов своих патронов то, с какими словами подданный обращался к государю? Представляется, что в известной мере играло. Несомненно, в условиях “спонсированной мобильности” шансы быть нанятым на государеву службу оставались выше у тех, кого система могла распознать по признакам родства или покровительства. Но так или иначе прошения служили средством символической коммуникации: то, сколь искусно индивид пользовался возможностями этого канала передачи информации, сколь умело демонстрировал свои достоинства, говорило о его карьерном потенциале не меньше, чем университетский диплом или справка о выслуге лет. И если не всем, то многим предоставлялся шанс начать карьеру, убедительно пообещав, как вымышленный “N.N.” из письмовников XIX в., что “проситель все свои старания, пока служит практикантом, употребит на то, чтобы сделаться пригодным чиновником”⁶².

¹ Прессбург (совр. Братислава в Словакии) в XVIII в. выполнял функции административной столицы Венгрии: там размещались Наместнический королевский совет и Венгерская казенная палата.

² Österreichisches Staatsarchiv, Wien (далее: ÖStA). Allgemeines Verwaltungs-, Finanz und Hofkammerarchiv (далее: FHKA). Ungarisches Camerale (далее: UC). Fasz. r. Nr. 181/2. Subd. 1. N 76 ex Apr. 1768. Fol. 514.

³ Большинство приводимых в статье примеров взяты из фондов центральных органов управления Венгерского королевства (с 1526 г. входившего в состав монархии Габсбургов). Подобный выбор обусловлен тем, что в XX в. погибли крупные архивные коллекции, относившиеся к истории Австро-Чешских земель второй половины XVIII в. Однако несмотря на особый государственно-

правовой статус Венгрии в рамках монархии, на венгерском материале можно восстановить некоторые общие закономерности функционирования габсбургской бюрократии эпохи просвещенного абсолютизма. В этом можно убедиться, например, при сравнении дошедших до наших дней фондов Венской придворной казенной палаты и Венгерской казенной палаты.

- ⁴ *Schennach M.P.* Supplikationen // Quellenkunde der Habsburgermonarchie (16.–18. Jahrhundert). Ein Experimentalisches Handbuch / Hrsg. von J. Pauser, M. Scheutz, T. Winkelbauer. Wien; München, 2004. S. 572–584; *Würgler A.* Bitten und Begehren. Suppliken und Gravamina in der deutschsprachigen Frühneuzeitforschung // Bittschriften und Gravamina. Politik, Verwaltung und Justiz in Europa (14.–18. Jahrhundert) / Hrsg. von C. Nubola, A. Würgler. B., 2005. (Schriften des Italienisch-Deutschen Historischen Instituts in Trient; Bd. 19). S. 16–52. См. также статью “Supplik” в: Handwörterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte / Hrsg. von A. Edler et al. B., 1998. Bd. 5. S. 94.
- ⁵ В связи с прошениями о помиловании см.: *Davis N.Z.* Fiction in the Archives: Pardon Tales and Their Tellers in Sixteenth-Century France. Stanford (Cf.), 1987.
- ⁶ *Schulze W.* Ego-Dokumente: Annäherungen an den Menschen in der Geschichte // Von Aufbruch und Utopie. Perspektiven einer neuen Gesellschaftsgeschichte des Mittelalters. Für und mit Ferdinand Seibt aus Anlass seiner 65. Geburtstages. Köln; Weimar; Wien, 1992. S. 417–450; Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte / Hrsg. von W. Schulze. B., 1996.
- ⁷ *Petitions in Social History* / Ed. by Lex Heerma van Voos. Cambridge, 2001. (International Review of Social History. Supplement 9). Ср. пример использования прошений в контексте изучения трансмиграций раннего Нового времени: *Schunka A.* Immigrants Petitions Letters in Early Modern Saxony // Letters Across Borders. The Epistolary Practices of International Migrants / Ed. by B. Eliot, D.A. Gerbert, S. Sinke. N.Y.; Basigstoke, 2006. P. 271–290. Анализ дискурсивных особенностей заявлений о принятии на службу или повышении в должности на материале германских родов см.: *Левинсон К.А.* Бюрократия немецкого города XVI–XVII вв. М., 2000.
- ⁸ *Mazohl-Wallnig B.* Die Beamtenfrauen als historisch absente Größe im 19. Jahrhundert // Frauenbilder – Frauenrollen – Frauenforschung / Hrsg. von Ch. Gürtler. Wien; Salzburg, 1987. S. 78–91.
- ⁹ См., например, исследование К. Хэммерле о письмах и жалобах австрийских женщин на рубеже XIX–XX вв.: *Hämmerle Ch.* Bitten – Klagen – Fördern: erste Überlegungen zu Bittbriefen österreichischer Unterschichtfrauen (1865–1918) // Bios. Zeitschrift für Biographieforschung und Oral History. 2003. Nr. 16. S. 87–110; в английском переводе: *Hämmerle Ch.* Requests, Complains, Demands. Preliminary Thoughts on the Petitioning Letters of Lower-Class Austrian Women, 1865–1918 // Gender and Politics in the Age of Letter-Writing, 1750–2000 / Ed. by C. Bland, M. Cross. Sheffield, 2004. P. 115–133.
- ¹⁰ *Blickle R.* Die Supplikantin und der Landesherr: die ungleichen Bilder der Christina Vend und des Kurfürsten Maximilian I von rechten Sitz um Leben // Ungleiche Paare: zur Kulturgeschichte menschlicher Beziehungen / Hrsg. von E. Labouvie. München, 1997. S. 52–99. (Beck’sche Reihe; 1197). Тот же сюжет в изложении на английском языке см.: *Blickle R.* Peasant Protest and the Language of Women’s Petitions: Christina Vend’s Supplikations of 1629 // Gender in Early Modern German History / Ed. by U. Rublack. Cambridge, 2002. S. 177–199. (Past and Present Publications).
- ¹¹ Для адресованных Марии Терезии прошений на латыни традиционным было обращение “Sacratissima Caesareo-Regia Apostolica Majestas Domina Domina

Clementissima”, на немецком – “Allerdurchlauchtigste Großmächtigste Römische Kaiserin in Germanien, zu Hungarn und Böhheim Apostolische Königin, Erzherzogin zu Österreich etc etc Allergnädigste Kaiserin. Königin, Landesfürstin und Frau Frau”.

- ¹² Например, экс-иезуит Ференц Кайдоочи, желавший поступить на королевскую службу, начал свое прошение так: “Нежная любовь и материнская забота, которые ваше императорско-королевское величество испытывает ко всем поданным, и особенно к членам распущенного Общества Иисуса, побуждают меня, бывшего в течение 9 лет членом этого ордена, положить к подножию трона вашего императорско-королевского величества мое верноподданнейшее прошение”. См.: Magyar Országos Levéltár, Budapest (далее: MOL). Magyar kincstári levéltárak. Magyar Kamarának regisztrátúrájá. E 47. Cancellariae et registraturae necnon postae negotia negotia, item honorifica et gremialia, necnon extraordinaria (далее: E 47). 18. cs. N 423 ex Majo 1775.
- ¹³ Форма подписи, как и приветствия, диктовалась статусом просителя. В отличие от адресата (величины постоянной), адресант был величиной переменной, удаленной от того, кому было написано письмо, на то или иное расстояние в действовавшей социальной иерархии. По отношению к монарху все, от мелкого чиновника до сановного князя, были “всеподданнейше-наивернейшими поданными”; гораздо реже – “слугами”, “вассалами” или “клиентами” (на латыни “humillimus perpetuoque fidelis subditus [servus, vasallus, cliens]”, по-немецки – “alleruntertänigst- allergehorsamster Untertan [Diener, Vasall, Klient]”). О письме как инструменте символической коммуникации см.: *Droste H. Die Erziehung eines Klienten // Ebene Diener ihrer Herren? Herrschaftsvermittlung im alten Europa / Hrsg. von S. Brakensiek, H. Wunder. Köln; Weimar; Wien, 2005. S. 23–44.*
- ¹⁴ *Nickisch R.M.G. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Mit einer Bibliographie zur Briefschreiblehre (1474–1800). Göttingen, 1969. (Palaestra. Untersuchungen aus der deutschen und englischen Philologie und Literaturgeschichte; Bd. 254).*
- ¹⁵ *Chartier R., Boureai A., Dauphin C. Correspondence. Models of Letter-writing from the Middle Ages to the Nineteenth Century. Cambridge, 1997.*
- ¹⁶ Например, австрийский барон Иоганн Казимир Трикль в прошении о выдаче ему копии венгерской дворянской грамоты взамен сгоревшей при пожаре упоминает, что поручил специальному агенту сбор необходимых документов и составление заявления. На прошении проставлено имя агента – Йозеф Керестури. Высокообразованный юрист и талантливый публицист, агент Венгерской придворной канцелярии Керестури (1739–1794) был недворянского происхождения, поэтому не мог рассчитывать на должность секретаря или советника. См.: MOL. A Magyar Kancelláriai Levéltár. A Magyar Királyi Kancellária Regisztrátúrájá. A 39. Acta generalia (далее: A 39). 5834/1777.
- ¹⁷ *Schennach M.P. Op. cit. S. 579.*
- ¹⁸ Так, история не сохранила имени того, кто от имени круглых сирот покойного секретаря Венгерской казенной палаты Михая Чапо, “Анны четырех лет, Елизаветы – двух лет и Михая одного года от роду”, подал прошение о назначении им денежного пособия. См.: ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 611. Subd. 1. N 130 ex Jul. 1775.
- ¹⁹ Например, в фондах Венгерской королевской канцелярии хранится прошение отставного офицера-инвалида Йозефа Кюнцлера, помеченное “составил сам”, но отличающееся необычным для военного владением деловым стилем и написанное изысканным и уверенным “профессиональным” почерком. См.: MOL. A 39. 580/1770.

- ²⁰ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 603. Subd. 1. № 9 ex Oct 1763. Fol. 350.
- ²¹ Только в Венской придворной казенной палате в 1769 г. было решено сохранять все обращения на высочайшее имя, на которых монархом собственноручно написано имя президента этого ведомства, в специальном фонде. Ныне там в хронологическом порядке хранятся тексты обращений и выписки из протоколов с наложенными резолюциями. Для XVIII в. см.: ÖStA. HKA. Österreichisches Camerale. (далее: ÖC). Protokolle über allerhöchst signierte Bittschriften. Fasz. r. Nr. 2142 (1769–1772); 2143 (1773–1775); 2144 (1776–1789); 2145 (1790–1800).
- ²² *Kulcsár K. II. József császár utazásai Magyarországon, Erdélyben, Szlovóniában és a Temesi Bánságban, 1768–1773.* Budapest, 2004.
- ²³ Накопление и суммирование семейных заслуг одной из первых подметила и проанализировала австрийский историк Элизабет Гармс-Корнидес на материале заявлений о приеме на службу в итальянских владениях Габсбургов в начале XVIII в. См.: *Garms-Cormides E. Funktionäre und Karrieren im Italien Karls VI. // Österreichisches Italien – Italienisches Österreich? Interkulturelle Gemeinsamkeiten und nationale Differenzen vom 18. Jahrhundert bis zu, ende des ersten Weltkrieges / Hrsg. von B. Mazohl-Wallnig, M. Meriggi.* Wien, 1999. S. 207–225. О том, что это явление имело глубокие корни во всех владениях Габсбургского дома, см.: *Хаванова О.В. Заслуги отцов и таланты сыновей: венгерские дворяне в монархии Габсбургов, 1746–1784.* СПб., 2007.
- ²⁴ MOL. A 39. 3905/1776.
- ²⁵ К таковому относится, например, обращение на высочайшее имя вдовы Катарины Дахауэр. См.: ÖStA. FHKA. Vermischte ungarische Gegenstände. Kt. 98. Fritz, 1778.
- ²⁶ Примечательно прошение баронессы Анны Марии Зафран, в котором она подробно рассказала не только о семейных заслугах, но и об учебе сына, а также приложила копии полученных им дипломов и свидетельств. См.: ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 6. Subd. 1. № 229 ex Aug. 1776.
- ²⁷ *Droste H. Patronage in der Frühen Neuzeit – Institution und Kulturform // Zeitschrift für Historische Forschung.* 2003. N 30. S. 555–590; *Hengeger M. Amtsträger als Klienten und Patrone? Anmerkungen zu einem Forschungskonzept // Ergebnisse Diener ihrer Herren?..* S. 44–50.
- ²⁸ О венгерском институте фамилиаритета (добровольно взятых, но зафиксированных в специальном договоре обязательствах военной и гражданской службы) в XVI–XVII вв. и его трансформации в XVIII в. см.: *Tóth I.Gy. Der wechselnde Spielraum des ungarischen Adels im 17./18. Jahrhundert // Ständefreiheit und Staatsgestaltung in Ostmitteleuropa. Übernationale Gemeinsamkeiten in der politischen Kultur vom 16.-18. Jahrhundert / Hrsg. von J. Bahlcke, H.-J. Böhmberg, N. Kersken.* Leipzig, 1996.
- ²⁹ MOL. E 47. 19. cs. N 599 ex Sept. 1775.
- ³⁰ Например, швед на габсбургской службе Иоганн Флориан Дизинг (искренне или желая вызвать жалость) писал: “За все мои долгие годы службы, поскольку никогда у меня не было покровителей, я ни разу не получал ни малейшего вспомоществования [сверх жалования]”. См.: ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 2143. N 294 ex Jul. 1773. Fol. 217v.
- ³¹ MOL. Kisebb testületi, egyesületi és intézményi fondok. P 1058. Szent István Rend (далее: P. 1058). Lajstromozott kérvények. 29. cs. N 13.
- ³² ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 590. Subd. 2. N 101 ex Sept. 1769. Fol. 153r.
- ³³ *Chaussinand-Nogaret G. The French Nobility in the Eighteenth Century.* Cambridge, 1985. P. 34.

- ³⁴ MOL. Helytartótóráncsi levéltár. A Magyar Királyi Helytartótóráncs regisztraturája. C 84. Departamentum gremiale ordinarium (далее: C 84). 67 d. 1784. F. 6.
- ³⁵ Ibid. E 47. 17. cs. N 401 ex Febr. 1775.
- ³⁶ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 2144. N 270 ex Majo 1780. Fol. 480v.
- ³⁷ MOL. E 47. 19. cs. N 409 ex Nov. 1775.
- ³⁸ См., например: *Engelhart A.* Allgemeiner österreichischer oder neuester Wiener Secretär. Wien, 1826. S. 317–322; *Gaal G.* Allgemeiner deutscher Muster-Briefsteller für die verschiedenen gesellschaftlichen Verhältnisse. Wien, 1835. S. 759 ff.
- ³⁹ MOL. E 47. 19. cs. N 133 ex Dec. 1775.
- ⁴⁰ Ibid. 17. cs. N 401 ex Febr. 1775.
- ⁴¹ В австрийской историографии вопросы добровольного обращения в католичество исследовались на примере австро-чешских аристократов XVI–XVII вв. или функционирования специальной кассы, созданной супругой императора Леопольда I Элеонорой-Магдаленой (1655–1720) для оказания помощи не имевшим средств к существованию новообращенным. См.: *Winkelbauer T.* Karrieristen oder fromme Männer? Adelige Konvertiten in den böhmischen und österreichischen Ländern um 1600 // Frühneuzeit-Info. Wien, 1999. Jahrgang 10, Heft 1 + 2. S. 9–20; *Peper I.* Konversionen im Umkreis des Wiener Hofes um 1700. Univ. Diss. 2003 (рукопись).
- ⁴² *Хаванова О.В.* Указ. соч. С. 207–213.
- ⁴³ MOL. E 47. 17. cs. N 776 ex Mart. 1775.
- ⁴⁴ Ibid. A 39. 722/1770.
- ⁴⁵ ÖStA. FHKA. ÖC. Fasz. r. Nr. 2144. N 231 ex Mar. 1778. Fol. 276.
- ⁴⁶ Ibid. Hoffinanz Ungarn (далее: HFU). Fasz. r. Nr. 908. 16 Apr. 1761.
- ⁴⁷ MOL. A 39. 570/1776.
- ⁴⁸ ÖStA. FHKA. UC. Fasz. r. Nr. 590. Subd. 2. N 15 ex Jan. 1766. Fol. 85v., 94r.
- ⁴⁹ Ibid. ÖC. Fasz. r. Nr. 2144. Fol. 171v–172r.
- ⁵⁰ Изобретательность подданных была безграничной: в 1760 г. таможенник Иоганн Петер Зоммер, потерявший за годы службы зрение, наряду с общепринятым обращением на высочайшее имя подал императрице стихотворное прошение о назначении ему пенсии. См.: *Ibnid.* HFU. Fasz. r. Nr. 894. 20. Feb. 1760. Fol. 746–747.
- ⁵¹ О Й. Зонненфельсе см.: *Kann R.* A Study in Austrian Intellectual History. From the Late Baroque to Romanticism. N.Y., 1960; *Osterloh K.H.* Joseph von Sonnenfels und die österreichische Reformbewegung im Zeitalter des aufgeklärten Absolutismus. Lübeck; Hamburg, 1970; *Klingenstein G.* Akademikerüberschuss als soziales Problem im aufgeklärten Absolutismus, Bemerkungen über eine Rede Joseph von Sonnenfels' aus dem Jahre 1771 // Wiener Beiträge zur Geschichte der Neuzeit. Wien, 1978. Bd. 5: Bildung, Politik und Gesellschaft / Hrsg. von G. Klingenstein, H. Lutz, G. Stourzh. S. 165–204; Joseph von Sonnenfels / Hrsg. von H. Reinalter. Wien, 1988.
- ⁵² Handbuch aller unter der Regierung des Kaisers Joseph des II. für die k. k. Erbländer ergangenen Verordnungen und Gesetze. Wien, 1785. Bd 1. S. 18–27.
- ⁵³ Цит. по: *Sonnenfels J. von.* Über den Geschäftsstil. Die ersten Grundlinien für anliegende österreichische Kanzleibeamten. Zum Gebrauch der öffentlichen Vorlesungen nebst einem Anhang von Registraturen. Wien, 1820. S. 64.
- ⁵⁴ О влиянии учебника делового стиля Й. Зонненфельса на языки и культуры народов монархии Габсбургов см.: *Bodi L.* Sprachregelung als Kulturgeschichte Sonnenfels: Über den Geschäftsstil (1784) und die Ausbildung der österreichischen Mentalität // Literatur, Politik, Identität – Literature, Politics, Cultural Identity. St. Ingbert, 2002. S. 339–361.

- ⁵⁵ Введенная императором и пропагандировавшаяся Зонненфельсом норма действовала и в XIX в. Ср.: Legújabb megbővített és megjobbított magyar és német levelező könyv. s. I. et a. 255–264. old.
- ⁵⁶ См., например, прошение бывшего ученика Зонненфельса, Миклоша Змешкаля (его имя прославит дружба с Людвигом ван Бетховеном), о зачислении в штат Венгерской королевской канцелярии: MOL. A 39. 4632/1784.
- ⁵⁷ См.: Turner R.H. Sponsored and Contested Mobility // American Sociological Review. 1960. Vol. 25, N 6. P. 856–857.
- ⁵⁸ Этого требовала королевская резолюция для Венгерской казенной палаты от 12 декабря 1760 г. Ссылку на ее применение см., например: ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 912. 12 Aug. 1761.
- ⁵⁹ MOL. Balassa Ferenc levéltára. P 1765. 76. cs. 22. t. N 7057.
- ⁶⁰ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 896. 10 Apr. 1760. Fol. 192, 193.
- ⁶¹ О бюрократии в эпоху Иосифа II см.: Hajdu L. II. József igazgatási reformjai Magyarországon. Budapest, 1982; Heindl W. Gehorsame Rebellen. Bürokratie und Beamte in Österreich 1780 bis 1848. Wien; Köln; Graz, 1991; Szántay A. Regionalpolitik im alten Europa. Die Verwaltungsreformen Josephs II. in Ungarn, in der Lombardei und den österreichischen Niederlanden, 1785–1790. Budapest, 2005.
- ⁶² Этот образец прошения встречается в нескольких письмовниках. См., например: Gaal G. Op. cit. S. 758; Hoffer J. Wiener Briefsteller, oder allgemeiner österreichischer Haus- und Geschäftes-Secretär. Wien, 1840. T. 2. S. 515.